

А.П. Чехов «Пересолил».

Землемер Глеб Гаврилович Смирнов приехал на станцию "Гнилушки". До усадьбы, куда он был вызван для межевания, оставалось еще проехать на лошадах верст тридцать-сорок. (Ежели возница не пьян и лошади не клячи, то и тридцати верст не будет, а коли возница с мухой да кони наморены, то целых пятьдесят наберется.)

- Скажите, пожалуйста, где я могу найти здесь почтовых лошадей? - обратился землемер к станционному жандарму.

- Которых? Почтовых? Тут за сто верст путевой собаки не сыщешь, а не то что почтовых... Да вам куда ехать?

- В Девкино, имение генерала Хохотова.

- Что ж? - зевнул жандарм. - Ступайте за станцию, там на дворе иногда бывают мужики, возят пассажиров.

Землемер вздохнул и поплелся за станцию. Там, после долгих поисков, разговоров и колебаний, он нашел здоровеннейшего мужика, угрюмого, рябого, одетого в рваную сермягу и лапти.

- Чёрт знает какая у тебя телега! - поморщился землемер, влезая в телегу. - Не разберешь, где у нее зад, где перед...

- Что ж тут разбирать-то? Где лошадиный хвост, там перед, а где сидит ваша милость, там зад...

Лошаденка была молодая, но тощая, с растопыренными ногами и покусанными ушами. Когда возница приподнялся и стегнул ее веревочным кнутом, она только замотала головой, когда же он выбрался и стегнул ее еще раз, то телега взвизгнула и задрожала, как в лихорадке. После третьего удара телега покачнулась, после же четвертого она тронулась с места.

- Этак мы всю дорогу поедем? - спросил землемер, чувствуя сильную тряску и удивляясь способности русских возниц соединять тихую, черепашую езду с душой выворачивающей тряской.

- До-о-едем! - успокоил возница. - Кобылка молодая, шустрая... Дай ей только разбежаться, так потом и не остановишь... Но-о-о, прокля...тая!

Когда телега выехала со станции, были сумерки. Направо от землемера тянулась темная, замерзшая равнина, без конца и краю... Поедешь по ней, так наверно заедешь к чёрту на кулички. На горизонте, где она исчезала и сливалась с небом, лениво догорала холодная осенняя заря... Налево от дороги в темнеющем воздухе высились какие-то бугры, не то прошлогодние стоги, не то деревня. Что было впереди, землемер не видел, ибо с этой стороны всё поле зрения застилала широкая, неуклюжая спина возницы. Было тихо, но холодно, морозно.

"Какая, однако, здесь глушь! - думал землемер, стараясь прикрыть свои уши воротником от шинели. - Ни кола ни двора. Не ровен час - нападут и ограбят, так никто и не узнает, хоть из пушек пали... Да и возница ненадежный... Ишь, какая спанища! Этакое дитя природы пальцем тронет, так душа вон! И морда у него зверская, подозрительная".

- Эй, милый, - спросил землемер, - как тебя зовут?

- Меня-то? Клим.

- Что, Клим, как у вас здесь? Не опасно? Не шалят?

- Ничего, бог миловал... Кому ж шалить?

- Это хорошо, что не шалят... Но на всякий случай все-таки я взял с собой три револьвера, - соврал землемер. - А с револьвером, знаешь, шутки плохи. С десятью разбойниками можно справиться...

Стемнело. Телега вдруг заскрипела, завизжала, задрожала и, словно нехотя, повернула налево.

"Куда же это он меня повез? - подумал землемер. - Ехал всё прямо и вдруг налево. Чего доброго, завезет, подлец, в какую-нибудь трущобу и... и... Бывают ведь случаи!"

- Послушай, - обратился он к вознице. - Так ты говоришь, что здесь не опасно? Это жаль... Я люблю с разбойниками драться... На вид-то я худой, болезненный, а силы у меня, словно у быка... Однажды напало на меня три разбойника... Так что ж ты думаешь? Одного я так трахнул, что... что, понимаешь, богу душу отдал, а два другие из-за меня в Сибирь пошли на каторгу. И откуда у меня сила берется, не знаю... Возьмешь одной рукой какого-нибудь здоровилу, вроде тебя, и... и сковырнешь.

Клим оглянулся на землемера, заморгал всем лицом и стегнул по лошаденке.

- Да, брат... - продолжал землемер. - Не дай бог со мной связаться. Мало того, что разбойник без рук, без ног останется, но еще и перед судом ответит... Мне все судьи и исправники знакомы. Человек я казенный, нужный... Я вот еду, а начальству известно... так и глядят, чтоб мне кто-нибудь худа не сделал. Везде по дороге за кустиками урядники да сотские понатыканы... По... по...постой! - заорал вдруг землемер. - Куда же это ты въехал? Куда ты меня везешь?

- Да нешто не видите? Лес!

"Действительно, лес... - подумал землемер. - А я-то испугался! Однако, не нужно выдавать своего волнения... Он уже заметил, что я трушу. Отчего это он стал так часто на меня оглядываться? Наверное, замышляет что-нибудь... Раньше ехал еле-еле, нога за ногу, а теперь ишь как мчится!"

- Послушай, Клим, зачем ты так гонишь лошадь?

- Я ее не гоню. Сама разбежалась... Уж как разбежится, так никаким средством ее не остановишь...

И сама она не рада, что у ней ноги такие.

- Врешь, брат! Вижу, что врешь! Только я тебе не советую так быстро ехать. Попридержи-ка лошадь... Слышишь? Попридержи!

- Зачем?

- А затем... затем, что за мной со станции должны выехать четыре товарища. Надо, чтоб они нас догнали... Они обещали догнать меня в этом лесу... С ними веселей будет ехать... Народ здоровый, коренастый... у каждого по пистолету... Что это ты всё оглядываешься и движешься, как на иголках? а? Я, брат, тово... брат... На меня нечего оглядываться... интересного во мне ничего нет... Разве вот револьверы только... Изволь, если хочешь, я их выну, покажу... Изволь...

Землемер сделал вид, что роется в карманах, и в это время случилось то, чего он не мог ожидать при всей своей трусости. Клим вдруг вывалился из телеги и па четвереньках побежал к чаще.

- Караул! - заголосил он. - Караул! Бери, окаянный, и лошадь и телегу, только не губи ты моей души! Караул!

Послышались скорые, удаляющиеся шаги, треск хвороста - и всё смолкло... Землемер, не ожидавший такого реприманда, первым делом остановил лошадь, потом уселся поудобней на телеге и стал думать.

"Убежал... испугался, дурак... Ну, как теперь быть? Самому продолжать путь нельзя, потому что дороги не знаю, да и могут подумать, что я у него лошадь украл... Как быть?" - Клим! Клим!

- Клим!.. - ответило эхо.

От мысли, что ему всю ночь придется просидеть в темном лесу на холоде и слышать только волков, эхо да фырканье тощей кобылки, землемера стало коробить вдоль спины, словно холодным терпугом.

- Климушка! - кричал он. - Голубчик! Где ты, Климушка?

Часа два кричал землемер, и только после того, как он охрип и помирился с мыслью о ночевке в лесу, слабый ветерок донес до него чей-то стон.

- Клим! Это ты, голубчик? Поедем!

- У... убьешь!

- Да я пошутил, голубчик! Накажи меня господь, пошутил! Какие у меня револьверы! Это я от страха врал! Сделай милость, поедem! Мерзну!

Клим, сообразив, вероятно, что настоящий разбойник давно бы уж исчез с лошадей и телегой, вышел из лесу и нерешительно подошел к своему пассажиру.

- Ну, чего, дура, испугался? Я... я пошутил, а ты испугался... Садись!

- Бог с тобой, барин, - проворчал Клим, влезая в телегу. - Если б знал, и за сто целковых не повез бы. Чуть я не помер от страха...

Клим стегнул по лошаденке. Телега задрожала. Клим стегнул еще раз, и телега покачнулась. После четвертого удара, когда телега тронулась с места, землемер закрыл уши воротником и задумался. Дорога и Клим ему уже не казались опасными.

ПРИМЕЧАНИЯ.

Впервые - "Осколки", 1885, N 46, 16 ноября (ценз. разр. 15 ноября), стр. 4. Подпись: А. Чехонте.

Включено в сборник "Пестрые рассказы", СПб., 1886; перепечатывалось во всех последующих изданиях сборника.

Вошла в издание А. Ф. Маркса.

Печатается по тексту: Чехов, т. I, стр. 85-89.

Правка рассказа при переизданиях была небольшой. В "Пестрых рассказах" изменения были внесены в первом, втором, шестом, десятом и двенадцатом изданиях: опущено сравнение "неподвижного, как соляной столб", иноязычное "комбинировать" заменено на "соединять", вычеркнуто слово "анафема". Готовя текст для собрания сочинений, Чехов исправил лишь два слова в речи возницы ("Дай ей только разбежаться" вместо "Дайте ей только разбежаться"; "не остановишь" вместо "не проймешь").

Автор статьи "Беллетристы последнего времени" К. Арсеньев, безоговорочно осуждая "анекдотические" рассказы Чехова (например, "Орден", "Дочь Альбиона"), отмечал в то же время: "Очень недурны <...> рассказы: "У предводительши", "Оба лучше", "Пересолил", "Комик" <...> здесь источник комизма заключается в контрасте, не притяннутом за волосы, но вполне естественном и жизненном" ("Вестник Европы", 1887, N 12, стр. 769-770).

При жизни Чехова рассказ был переведен на английский, болгарский, венгерский, немецкий, польский, румынский, сербскохорватский, словацкий и чешский языки.